

УДК: 82

**КАВКАЗСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙНОГО ЗАМЫСЛА
ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «БЕГЛЕЦ» («КАЗАКИ»)**

Лосева А.С.

**Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь, ул.
Пушкина, 1. Гуманитарный институт, кафедра отечественной и мировой литературы,
e-mail: oiml@inbox.ru**

Исследование направлено на изучение кавказского контекста, в котором осуществлялась деятельность Л.Н. Толстого. Длившаяся десять лет история текста повести «Казачьи» не только демонстрирует изменения, но и дает ответ на вопрос, чем эти изменения диктовались, как были связаны с общим движением мысли и художественных исканий великого мыслителя. Впервые в творческий процесс писателя входила современная действительность, изображение которой открывало Л.Н. Толстому новые широчайшие возможности. Все, что окружало его в живой жизни, обретало новый творческий стимул, смысл, становясь тем материалом, из которого в процессе творчества формировалась ткань художественного текста. Подробно рассмотрена история появления и оформления замысла «кавказской повести». В ходе исследования были изучены новые типологические черты толстовского героя, в ранних произведениях писателя. Долгая, медленная и трудная работа Л.Н. Толстого над «Казачьи» не сразу прояснила тип героя. Творческая история повести «Казачьи» является полной иллюстрацией того, как формировалось в сознании художника четкое осознание не только проблематики и поэтики самой будущей повести, но и общей нравственно-эстетической концепции собственного творчества.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Казачьи», замысел, история создания

**THE CAUCASIAN CONTEXT OF THE FORMATION OF THE
IDEOLOGICAL IDEA IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL "THE COSSACKS"**

A.S. Loseva.

**North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, ul. Pushkina 1
Humanities Institute, Department of Russian and World Literature, e-mail:
oiml@inbox.ru**

The research aims to examine the Caucasian context in which L. N. Tolstoy's work was carried out. The ten-year history of the text of the novel "The Cossacks" not only demonstrates the changes, but also gives an answer to the question of what these changes were dictated by, how they were connected with the general movement of the writer's thought. For the first time in the creative writing process included modern reality, the image of which opened up for L.N. Tolstoy new opportunities. Everything that surrounded him in

real life, got a new creative impulse, meaning. As a result, it became the material from which the artistic text was formed in the process of creativity. The history of the origin and design of the idea of the "The Caucasian novel" is considered in detail. During the study new typological features of Tolstoy's hero were studied in the early works of the writer. The slow and difficult work of L.N. Tolstoy on "The Cossacks" didn't immediately clarify the type of the hero. The creative history of the story "The Cossacks" is a complete illustration of the formation in the mind of the writer a clear awareness of not only the problems of the future story, but also of the general moral and aesthetic concept of his own work. The slow and difficult work of L. N. Tolstoy on "The Cossacks" didn't immediately clarify the type of the hero. The creative history of the story "The Cossacks" is a complete illustration of the formation in the mind of the writer a clear awareness of not only the problems of the future story, but also of the general moral and aesthetic concept of his own creativity.

Keywords: L.N. Tolstoy, "The Cossacks", idea, history of creation

Данная работа посвящена исследованию кавказского контекста как фактора формирования идейного замысла повести Л.Н. Толстого «Беглец» («Казачьи»). Кавказский период сыграл важную основополагающую роль в становлении творческого метода Л.Н. Толстого, как школы писательского мастерства, и как источника глубоких размышлений о ключевых проблемах человеческого бытия. Тема Кавказа в его творчестве остается неисчерпаемой, наполненной потенциальными открытиями и новыми прочтениями, постоянно обнаруживает новые повороты, основанные на материалах, не попадавших прежде в распоряжение исследователей.

Цель работы - анализ особенностей отражения кавказских реалий в повести Л.Н. Толстого «Беглец» («Казачьи») с точки зрения их влияния на формирование идейного замысла данного произведения.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Показать влияние кавказской действительности на становление Л.Н. Толстого как писателя;
2. Изучить теории исторического, социокультурного контекста и комплексного подхода;
3. Проанализировать дневники кавказского периода жизни и рукописные источники Л.Н. Толстого;
4. Проследить этапы создания повести «Казачьи»;
5. Проанализировать особенности репрезентации кавказского контекста в повести Л.Н. Толстого «Беглец» («Казачьи») с точки зрения отражения в нем кавказских реалий.

Материалы и методы

При решении поставленных задач использовались следующие **методы исследования:**

- биографический метод
- сравнительно-исторический метод
- культурно-исторический метод
- метод описательной поэтики

Теоретико-методологическое обоснование работы - текстологический комментарий, изучение редакций и канонического текста повести «Казачи».

Теоретической основой данного исследования послужили работы Н.Н Арденса, Н.И Бурнашевой, Л.Д. Опульской, М.Б Храпченко, Е.Н. Купреяновой и других.

Материал исследования составили ранние «кавказские» произведения Л.Н. Толстого, их творческая история, воссоздаваемая по рукописному фонду, дневниковым записям и эпистолярному наследию.

Основная часть

Своей многогранной красотой Кавказ с давних времен манил лучшие умы человечества. Привлекательность этого места не обошла стороной и чувства одного из великих русских писателей - Л.Н. Толстого. Он пробыл в этих необычайно красивых местах самый значимый отрезок своей жизни и сумел, как никто другой, честно оценить достоинства и недостатки этого прекрасного края в своих произведениях, основанных на личном знакомстве с культурой и традицией народов.

Кавказский период жизни и творчества Л.Н. Толстого характеризуется поисками образа жизни, порядка в умственной деятельности, свободы, осознанием необходимости определения собственного мирозерцания, взгляда на вещи. С юности Л.Н. Толстой был склонен к самоанализу, а на Кавказе он стал более глубоким и определенным. Уже в ранних «кавказских текстах» писателя стал создаваться тот «сложный душевный узел», который он раскручивал на протяжении всего своего творческого пути [5, с.137].

Литератор проникся жизнью и бытом местного населения, творчество переполняло его. Л.Н. Толстой изумлялся прекрасным пейзажам, описывал во всех тонкостях увиденное и прочувствованное им. Его охватывали новые надежды - он понял, что возможно вдали от бурной жизни двух столиц и светской жизни он сможет построить по-новому жизнь, найти настоящее дело, жить счастливо и спокойно среди простых, честных и смелых людей на лоне природы. Его поражала самобытность местных жителей, их смелость, воля, моральные устои, уважительность друг к другу. Со временем у писателя появлялось отвращение к

напыщенной светской жизни, лицемерию, фальшивости во всём, он проникался неприязнью к своим бывшим увлечениям.

Война и кавказская действительность в целом наталкивала его на глубокие размышления о достоинстве человека, о храбрости, о скромном величии простых людей и аморальности тех, кто жил чужим трудом. В произведениях Л.Н. Толстого «кавказского» периода разоблачаются пороки высшего офицерства и доказывается, что по-настоящему храбры и благородны только представители простого народа солдаты и наименее знатные по происхождению офицеры.

Дневники Л.Н. Толстого - редкое по своей самобытности явление в русской литературе. Несмотря на то, что дневники разных периодов отличаются друг от друга по содержанию и назначению, их объединяет одна основная черта - беспощадная искренность писателя.

Читая дневники Л.Н. Толстого, можно с уверенностью сказать, что они отражают его духовно-нравственные искания, смелую работу его ума, бескомпромиссность в анализе сложившихся норм жизни и в самоанализе собственных противоречий [6, с.10]. Именно в его рукописях складывался общий взгляд писателя на жизнь, на войну, на мир - иными словами, философия бытия, воплощенная в художественных образах.

В процессе исследования творческого материала Л.Н. Толстого нас особенно привлекли «кавказские страницы» его дневника и тетрадей. Эти воспоминания, мысли, правила, предположения позволяют яснее и подробнее представить интеллектуальный и нравственный мир молодого человека, повседневно упорно и строго работавшего над собой, своим характером, литературными способностями, привычками и миропониманием. Именно в них содержатся те основополагающие идеи его духовной жизни, без которых нельзя постичь идейно-художественную глубину творчества писателя.

С переездом на Кавказ Л.Н. Толстой не только вплотную занялся литературной деятельностью, но и по-новому начал рассматривать свою жизнь, со всеми ее достоинствами и недостатками. Новая обстановка способствовала более напряженному и углубленному исканию нравственной истины: «Я желал, чтобы судьба ставила меня в положения трудные, для которых нужны сила души и добродетель. Воображение мое любило представлять мне эти положения, а внутреннее чувство говорило, что у меня достанет для них силы и добродетели. Самолюбие мое и уверенность в силе своей души росли, не находя опровержений. Случаи, в которых я мог оправдать свою уверенность, но не оправдывал ее, я извинял тем, что мне представлялось слишком мало трудностей и я не употреблял всех сил своей души» [1, с. 57].

Эта душевная смута, охватившая писателя, раскрывается в черновых главах повести «Казачи». Офицер писал приятелю строки, близко передающие состояние самого Л.Н. Толстого, приехавшего на Кавказ: «Я только здесь теперь понял ясно всю ту ложь, в которой я жил в России и которая там смутно возмущала меня, а теперь мне гадка и смешна большей частью. Трудно тебе описать дикую среду, в которой я живу и из которой всякая ложь так выпукло уродливо заметна. Как описать правду в жизни? Правду, простоту, ясность и потому красоту и силу» [2, с.104].

Психологически детализированная, насыщенная жизненными подробностями глава, тем не менее, не вошла в основной текст «Казачи», поскольку, как считал Л.Н. Толстой, она слишком «разжевала» читателю то, о чем он должен был догадаться.

В соотношении художественного вымысла и автобиографического материала ясно прослеживается трудный, драматический путь формирования личности и художественного таланта писателя [11, с. 15].

Внимательное прочтение рукописного наследия Л.Н. Толстого показывает, что кавказский материал и отражение кавказских впечатлений рождает творческие замыслы произведений, напряженный поиск духовно-творческого потенциала: «Я ищу все какого-то расположения духа, взгляда на вещи, образа жизни, которого я ни найти, ни определить не умею. Хотелось бы мне больше порядка в умственной деятельности, больше самой деятельности, больше вместе с тем свободы и непринужденности» [1, с. 43].

Важно не столько «отражение» реальной душевной жизни писателя в его творчестве, сколько единство аналитического метода, применяемого Л.Н. Толстым к самоанализу и к изображению душевной жизни героев его художественных произведений.

Впервые в творческий процесс писателя входила современная действительность, изображение которой открывало Л.Н. Толстому новые широчайшие возможности. Осознание этих возможностей было мощным творческим стимулом для начинающего писателя: все, что окружало его в живой жизни, обретало новый смысл, становясь тем материалом, из которого в процессе творчества формировалась ткань художественного текста [4, с. 22].

Реально-исторический контекст дневниковых записей позволяет более точно судить об авторском отборе жизненного материала, о его творческой переработке. Становление Толстого-писателя, судя по его дневникам, происходило довольно бурно. Здесь было все: восхищение первыми пробами пера, полное разочарование в написанном и масса замыслов будущих произведений.

«Кавказский роман» был задуман Л.Н. Толстым в начале 1850-х годов как широкое реалистическое полотно, продолжающее «кавказские очерки», в котором должны были

объединиться тема войны и картины жизни Кавказа, вольнолюбивого народа, жизни «русских среди горских племен».

Работа над этим трудом затянулась на целое десятилетие - с 1852 по 1862 годы. Изучение творческой лаборатории молодого Л.Н. Толстого открывает целый ряд промежуточных дат, этапов истории текста, позволяющих воссоздать достоверную картину рождения художественного произведения. История текста показывает, что авторская художественная идея редко бывает изначально заданной, и может значительно измениться от стадии замысла до момента завершения произведения.

Будущие герои произведения Л.Н. Толстого жили рядом с ним, за ними можно было наблюдать и даже изучать в реальной обстановке, их характеры и судьбы являли собой благодатный, неисчерпаемый источник и достоверный материал для творчества писателя [8, с. 140].

Включение исканий героя в контекст большой русской истории, службы и жизни русского казачества на Кавказе, определило внимание писателя к очерковому жанру и очерковому типу повествования.

Самым ранним наброском считается рукопись, которая возникла летом 1853 году под названием «Терская линия». В нем сообщаются сведения о свойствах и быте гребенского казачества. В этом обществе Л.Н. Толстой увидел интересовавший его особый тип людей «воинственных и свободных».

В этом же году он пишет стихотворение на манер народной песни или гребенской баллады «Эй, Марьяна, брось работу!», в котором уже наблюдается замысел казачьей повести: подготовка к встрече казаков, возвращающихся из похода, и описание самой встречи.

В 1853 году Л.Н. Толстой вплотную приступает к работе над замыслом «кавказского романа» - «Беглец». Его он оформляет как повесть из жизни местного казачества. В характеристиках и описаниях ясно присутствует ритмическая проза: «офицер взошел на крыльцо», молодая казачка, которая «собирала навоз и лепила его на плетень», «в каждом движении этой женщины выражались уверенность в себе, сила и свежесть», «нянюка Марьянка, как звали ее казаки», «по всему можно было заметить, что она видела молодого человека, который так пристально следит за ней, и что внимание это беспокоит ее» [2, с. 9].

Л.Н. Толстым были написаны первые три главы с условными названиями «Марьяна», «Губков», «Встреча». Четвертая глава не названа и лишь начата. Однако уже в первой редакции такого варианта присутствует конфликт между офицером и молодым казаком из-за Марьяны, но в этой версии Марьяна - жена казака.

В офицере Губкове еще не угадывается глубокая ищущая натура Оленина, для Губкова ухаживание за Марьяной - обычное любовное приключение. И Марьяна, и ее муж казак лишены того обаяния молодой свежести и силы, которые так характерны для этих образов в поздних редакциях [10, с. 360].

Из отметок дневника видно, что работа шла напряженно: «Начал «Беглеца», пошло хорошо, но ленился» [1, с. 184]. С одной стороны, автор продолжал связный ход повествования, начатый в 1853 году, одновременно обрабатывая его, но с другой стороны он, забегая вперед, старался уяснить себе отдельные эпизоды в дальнейшем, даже писал их, намечая новые развязки.

Л.Н. Толстой не был удовлетворён этим началом и вскоре приостановил работу, а в дневнике записал: «... «Кавказской» я совсем недоволен. Не могу писать без мысли. А мысль, что добро - добро во всякой сфере, что те же страсти везде, что дикое состояние хорошо,- недостаточны» [1, с. 191].

После большого промежутка идейных исканий, Л.Н. Толстой возвращается к своему труду. Исследуя его записи в дневниках и письма, мы заметили, что именно круг чтения Л.Н. Толстого свидетельствует о его интересе к художественной манере письма, направленной на точное, ясное изображение, но вместе с тем поэтически одухотворенное.

В самый разгар работы над повестью мыслитель возвращается к старым материалам, читает Гомера, и это чтение производит на него большее впечатление, он хочет переделать всю кавказскую повесть: «Илиада заставляет меня совсем передумывать «Беглеца»» [1, с. 191].

Воздействие «Илиады» Гомера на мировоззрение Л.Н. Толстого проявляется в осознанном стремлении сосредоточиться на изображении жизни и быта народа в его пограничном состоянии. В этот период творческой деятельности, идейно-эстетических исканий Л.Н. Толстой, находясь в не прерывном осмыслении общественных проблем и конфликтов, задаётся также и философскими вопросами - о смысле жизни, о войне и мире, размышляет о цивилизации как таковой. Именно в это время появляется окончательное название повести - «Казачи».

После прочтения У. Шекспира писатель вновь возвращается к своим забытым записям и решает, что ему необходимо «начать драмой в Казаке», изменить замысел, который теперь уже будет связан с изображением человеческих страстей: «Эврика! для «Казачи» - обоих убили» [1, с. 194]. По всей видимости, речь идет и о Кирке, и об офицере, полюбившем Марьяну. Теперь замысел разрастается до масштабов романа из кавказской жизни.

За период 1857-1858 гг. определился конспект дальнейшего повествования: сватовство молодого казака к Марьяне; поход и раннее возвращение офицера, его «вечера у

хозяев». Перед заглавием четвертой главы и после него другим, более крупным почерком автор написал несколько фраз, намечающих дальнейшее развитие плана уже при иной ситуации и с другими именами лиц: «Объяснение Кирки с Марьяной. Марьяна говорит, что придет. Кирка ушел на кордон. Ржавский остался в станине. Коли так, то пропадай все. Воровство табунов» [2, с. 273-274].

Тогда же впервые была намечена фабула всей повести. В сложной любовной интриге и драматическом развитии событий центральное место занимала любовь к Марьяне трех разных действующих лиц: во-первых, молодого казака Терешки (будущего Лукашки); во-вторых, офицера - ротного командира, не названного по имени и, наконец, простого солдата, который «служит» ей «как собака».

Л.Н. Толстой предполагал изобразить военный поход, женитьбу Терешки, здесь же - безуспешные домогательства офицера и его столкновение с Терешкой, ранение офицера и бегство казака в горы. Конец повести оставался пока неясным. В конце апреля 1857 г. Л.Н. Толстой в записной книжке отметил: «К Казаку: Молодого, влюбленного, всеми любимого офицера, которого убьют». Сюжетный центр смещается, и на первый план выносятся вражда казака к офицеру вследствие ревности. Но никаких следов сильного драматического начала мы не имеем, а мелькнувшая мысль о кровавой развязке с двойным убийством нашла себе место лишь несколько лет спустя в одном черновом варианте, оставленном затем в стороне. Очевидно, что в творческом сознании писателя любовный сюжет пока еще продолжал главенствовать в замысле повести о казаках.

В 1858 году Л.Н. Толстой создаёт редакцию, которая уже близка к окончательному варианту. Офицер в этой редакции носит имя Дмитрия Андреевича Ржавского, казак - Кирка, товарищ его - Назарка, подруга Марьяны - Устинька. Офицер открыл на Кавказе новый для себя мир, о чем и пишет приятелю спустя полтора месяца после прихода в станицу. Уже есть резкая критика светской жизни и её сравнение с жизнью простого народа. Однако Л.Н. Толстой отказался от значительной части написанного текста: материал о степях и лесах, о станичном народе вошел в повествовательные - от лица автора - главы.

Размышляя о дальнейшем развитии «кавказского романа» он одновременно заносил в дневник: «Вообще ничего не делал. Зато уяснил себе конец романа. Офицер должен разлюбить ее», и в записную книжку: «У Кирки сестра немая», «Предлагает жениться Марьяне» [1, с. 194].

До 1862 г. автор не помышлял о печатании «Казачков». Он все еще не считал свою первую кавказскую повесть законченной. Однако стесненные денежные обстоятельства привели к тому, что повесть пришлось обещать редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову.

Создавая последнюю редакцию, Л.Н. Толстой работал над заказанными им писарскими копиями текста третьей редакции первой части: «До обеда буду переделывать начало «Казака»». Написана в нескольких вариантах концовка - прощальная беседа Оленина с Ерошкой, завершающая повесть. Л.Н. Толстой для начала ограничился первой частью повести и предполагал продолжить её, но второй части так и не последовало.

Повесть «Казак» - это повесть о естественной красоте, трудовой жизни на земле, о нравственной высоте русского народа. Содержание повести тесно связано с идейными исканиями Л.Н. Толстого.

В «Кзаках» формируется тип автобиографического героя писателя в образе Дмитрия Оленина, которому свойственны напряженные поиски нравственного смысла жизни и внутренний конфликт со своей социальной средой.

В первоначальной редакции «Беглец» молодой офицер Губков уезжает на Кавказ по вполне ординарным причинам: «Жизнь независящего ни от кого гвардейского офицера и несчастная страсть к игре расстроили в три года службы в Петербурге его дела до такой степени, что он принужден был взять отпуск и ехать в деревню для приисквания средств выйти из такого положения» [2, с. 12].

В одиннадцатом варианте к первой части Л.Н. Толстой называет ряд причин, по которым будущий Оленин мог решиться ехать на Кавказ: «...ехал для того, чтобы быть одному, чтобы испытать нужду, испытать себя в нужде, чтобы испытать опасность, испытать себя в опасности; чтоб искупить трудом и лишениями свои ошибки, чтобы вырваться сразу из старой колеи, начать все снова, и свою жизнь и свое счастье». В главе «Воспоминания и мечты» воображение Оленина занимают романтические мечты о будущих победах: «Я хожу один по горам, узнаю народ и места и возвращаюсь. Я ничего не отвечаю на вопросы. Я составлю план мирного покорения Кавказа». Эта концовка в каноническом тексте утратит романтическое самолюбование и мечты о «плане мирного покорения Кавказа» и станет зерном, из которого прорастёт эпическая концепция единения человека с миром.

В окончательном тексте «Кзаков» причины, повлиявшие на отъезд героя, сформулированы уже не столь пространно. С одной стороны осталась и неразделенная любовь девушки из влиятельной семьи, с помощью которой можно было бы решить все свои материальные проблемы, но при этом не быть счастливым, а с другой стороны беззаботная жизнь, которая наскучила и стала приносить одни беспокойства. У молодого Оленина, воспитанного на романтическом восприятии Кавказа и не считавшего себя потерянным человеком, появилось желание начать новую жизнь и поехать служить на Кавказ. Л.Н. Толстой, отодвинув на задний план ординарные причины отъезда Оленина, сделал главным другое: «нравственные порыв молодой души и презрение к светскому обществу».

Эволюция характера главного героя повести от Губкова к Ржавскому и далее к Оленину делала идейную и сюжетную завязку произведения художественно точной.

В повести Л.Н. Толстой воссоздал Оленина в обстоятельствах «казацкой вольности», для героя был найден новый путь - «быть Лукашкой». Здесь окончились распутья, началось преодоление самого себя - своего воспитания, аристократизма, состоятельности, классовой природы.

В первом варианте повести «Беглец», во второй главе под названием «Губков» уже имеются эти пространственных мотивы рассуждения о мнимом благотворном действии Кавказа «на состояние, характер, нравственность, страсти и счастье людей».

И уже в каноническом тексте Оленин декларирует по существу разрыв с собственным классом, при этом трезво осознавая, что поступок этот будет расценен как едва ли не безумие. Если раньше Оленин не отдавал себе отчета, что же конкретно в прежнем существовании не устраивало его, то решив связать судьбу с простой казачкой, он ясно называет то, от чего отрекается: ему становятся противны гостиницы, женщины с «припомаженными волосами», «неестественно щевелящиеся губки», «лепет» светского общества. Прежнюю жизнь он меняет на «вечные неприступные снега гор и величавую женщину», теперь для Оленина «счастье - это быть с природой, видеть ее, говорить с ней».

Решая вопрос о счастье и смысле жизни, Оленин после мучительных раздумий приходит к пониманию того, что жить надо не для себя, а для других, и в этом заключается счастье жизни. Решение Оленина Л.Н. Толстой рассматривает как высшее проявление нравственности, так как оно означает отказ от эгоистического «я», всегда трудный для человека.

Поэзия жизни в казацкой станице не разрушает, а укрепляет в герое ощущение «беспричинного счастья», пробуждает потребность самосовершенствования во время охоты, в лесу, как часто бывает у толстовских героев, под влиянием природы, ощущения себя её частицей выливается в самоочищающее просветление, рождает новую жизненную программу: «Как же надо, жить, чтобы быть счастливым, и отчего я не был счастлив прежде?».

По Толстому, любовь и добро есть те сущности жизни, которые заключены не в поверхностной видимости явлений, а скрыты ею, следовательно, обнаруживаются в ней не сразу. Уже в период формирования нравственных и эстетических воззрений писателя эти категории являются для него теми основами человеческого бытия, которые, как правило, заслонены внешне дисгармоничным конкретно-историческим устройством мироздания.

Оленин не показан трусом, однако и в черновых редакциях, и в окончательном тексте повести он явлен слабым в возникающих жизненных ситуациях и перед лицом пугающих

трудностей. Герою хотелось бы, чтобы проблемы разрешались сами, он никогда не идет до конца: «Как только, отдавшись одному стремлению, он начинал чувствовать приближение труда и борьбы, мелочной борьбы- с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свободу» [2, с. 12]. В характере героя странным образом переплетаются осторожность к новому и ленивое, безынициативное отношение к жизни.

Встреча с Марьяной оказывается переломной в судьбе Оленина. Все его естество подчинилось нахлынувшему чувству любви, но рассудок продолжал напоминать о прежних привычках и принципах: «Может быть, я в ней люблю природу, олицетворение всего прекрасного природы, но я не имею своей воли, а чрез меня любит ее какая-то стихийная сила, весь мир Божий, вся природа вдавливают любовь эту в мою душу и говорят: люби. Я люблю ее не умом, не воображением, а всем существом моим. Любя ее, я чувствую себя нераздельною частью всего счастливого Божьего мира» [2, с. 109].

Эта любовь - «сила жизни природы». Оленин становится «нераздельною частью всего счастливого Божьего мира», отказываясь ради этого и от сознательной воли, и от требований нравственного разума.

В черновых редакциях повести отчасти сохранился ответ на вопрос, как сложилась бы жизнь Оленина с Марьяной, если бы она выбрала его: женился бы он, или так же не смог идти до-конца, боясь встретиться с трудностями и потерять свою свободу.

В 1860 г. в одной из черновых рукописей Л.Н. Толстой решил показать дальнейшую жизнь своих героев: шесть лет Кирка (Лукашка) не появлялся в станице, вся родня и соседи считали его мертвым. Марьяна открыто живет с Олениным. Однако на этом рукописи прерываются. Так же и вопрос, счастлив, ли Оленин со своей казачкой - оставлен Л.Н. Толстым без ответа [3, с. 7].

Спустя два года, Л.Н. Толстой вновь обратился к сходному сюжетному повороту. И в черновых вариантах продолжения повести отсутствие Кирки (Лукашки) в станице сократилось на три года, Марьяна так же открыто живет с Олениным, ее отец пользуется положением дочери и ищет выгоду для себя «...всякий раз: мучал Оленина своим посещением и выпрашиваньями то вещей, то денег. Он ничего никогда не говорил Оленину о своей дочери; но как будто с тех пор, как Кирка бежал, признавал за собою какие-то права на Оленина» [2, с. 35].

Однако счастье героя не состоялось. Сначала Оленину казалось, что он действительно счастлив, но проходило время, и он осознавал, что это совсем не то счастье, которого он желал. Его расстраивало отношение с начальством на службе, друзья, ему хотелось избавиться от отца Марьяны, его пугала мысль о возвращении Кирки. «Он как будто не признавал теперешнюю жизнь за настоящую жизнь, а жизнь, не спрашиваясь его, шла и

приносила свои награды и наказания. Но прошло три года; нового все еще ничего не началось, а старая казавшаяся безобразной, непризнанная жизнь уже успела овладеть им всей силой прелестью привычки, успела уже разрушить все мечты о изменении её».

Проблема счастья вырастает из первооснов художественного, нравственного, философского мышления Л.Н. Толстого, образуя грань еще более сложной, по существу социальной проблемы - соотношения счастья и нравственного долга, по-разному решаемой писателем на разных этапах его творческого пути и в связи с эволюционным путем разных героев его произведений.

В каноническом тексте мы видим, что Оленин лишний в казачьем мире. И в этом конфликте обе стороны оказываются правы. Л.Д. Опульская подчеркивала, с одной стороны эпически величавый строй народной жизни, покорный своей традиции, но с другой - разрушающий все традиции, вечно неуспокоенный, стремящийся к народному самоусовершенствованию герой Л.Н. Толстого. Они еще не сходятся, но они оба должны существовать, чтобы когда-нибудь сойтись. В конфликте между ними писатель, верный себе, подчеркивает, прежде всего, моральную сторону.

Лукашка, Марьяна и все казаки в станице, исключая дяди Ерошки, не понимают Оленина. Ерошка в повести - «одиноким казак». В этом смысле он понимает и сочувствует одиночеству Оленина среди казаков. «Нелюбимые мы с тобой, сироты, - вдруг сказал дядя Ерошка и опять заплакал» [2, с. 97].

Ерошке переданы в повести многие заветные мысли автора. В одну из ранних редакций текста писатель включил рассуждения героя, ставшие основой его будущих высказываний о безнравственности войны и тех законах взаимоотношений, которые должны существовать между людьми: «И зачем она война есть? То ли бы дело, жили бы смирно, тихо, как наши старики сказывали. Ты к ним приезжай, они к тебе. Так рядком, честно да лестно и жили бы. А то что? Тот того бьет, тот того бьет. Наш к ним убежит - пропал, ихний к нам бежит. Я бы так не велел».

Война приносит людям многочисленные страдания и беды, она не является их «стихией». Более того, простые люди, вопреки той вражде, которая между ними усиленно разжигалась в политических целях, соседствовали, «куначили», водили дружбу в той своеобразной кавказской форме, которая была выше войны, выше религиозных и национальных различий.

Хотя Ерошка и понимал, что казаку нельзя жить без войны и без охоты, однако убить человека - «ох, мудрено». Именно в текстах первой редакции повести начинает звучать мотив осуждения убийства человека человеком. Сторонником этого осуждения выступает Брошка (Ерошка в повести «Казачи»). Неоднократно в «Беглеце» мы отмечаем фразы

Брошки: «не годится убивать людей», «а по-моему все человеки». В главе «Кордон» Брошка корит Кирку за то, что он «поранил зверя и не взял», ведь зверь тоже человек.

В первой редакции повести Брошка толкует Ржавскому: «Она свинья, а все она не хуже тебя, такая же тварь Божья». Позднее дописано: «Эх-ма! Глуп человек, глуп, глуп человек, - повторил несколько раз старик и, опустив голову, задумался». Именно через образ этот возникает у Л.Н. Толстого идея нравственного превосходства народа над высшими классами цивилизованного общества.

Преодолевая социальную разъединенность людей, писатель находит опору в нормах гуманности, нравственности, присущих, с его точки зрения, в большей степени народу, крестьянству в силу его трудовой жизни. Одна из главных, но при этом и очень сложных художественных задач произведения - раскрыть историю и характер казаков как особенного народа.

В этом помогает природа, которая влияет на «диалектику души» героев. Природа является, источником, откуда герои Л.Н. Толстого черпают силу, чистоту помыслов. Природа поднимает из глубины души человека все лучшее, светлое, прекрасное и доброе, что в ней есть. Оленин через взаимодействие с природой одерживает нравственную победу над собой. И именно здесь и лежит основа идейно-художественного замысла «Казаков».

Л.Н. Толстой показывает мощную и действенную связь человека с природой, расширяет круг явлений и образов, вводимых в картины ее описания. Пейзаж является могучим средством, психологического анализа, играет значительную роль в сфере проявления чувства, приложения духовных сил и качеств героев.

Через «диалектику души» Л.Н. Толстой, раскрывая процесс внутреннего мира Оленина, проясняет причину его одиночества. В жизни, текущей по законам природы, заключена большая правда. Огромная область нравственных поисков остается за ее пределами. Понимая это Л.Н. Толстой не может признать нравственную первозданность как нечто идеальное. Вот почему дворянский герой Л.Н. Толстого, ищущий простоты и правды, все-таки не может опроститься [9, с. 96].

Толстовский пейзаж психологизирован, он предстает в сопряжении с внутренним состоянием героя, содержит в себе мощный потенциал нравственного очищения. Все яснее становится для молодого автора его главная художественная задача - поэзия действительности.

Писатель, ставя себе основным вопросом соединение лирических и философских отступлений с приемом детализации, полностью отвергает романтиков и значительно перерастает сентименталистов. Превосходство Л.Н. Толстого над сентименталистами в том и заключается, что у него лирические отступления и детальные описания существуют не

слитно воедино, а выступают раздельно, причем вместо лирических отступлений постепенно являются философские обобщения, а детализация имеет целью дать ощущения самой вещи и потому уже не связывается с эмоцией.

Свойственная Л.Н. Толстому недостижимая высота художественной образности явлена уже в черновиках повести «Беглец», где Брошка рассказывал о своей душеньке: «Пьешь, пьешь, целуешь, милуешь, умирать не хочется. И темно, ничего не видать, только слышишь, что тут; соскучишься - огонь вздуешь. Вот она, голубушка, тут сидит...» [2, с. 47].

Картины Кавказа, охота, рыбалка, убранство хат, утварь, посуда, еда, напитки, обычаи, говор, язык, песни, мир удивительных звуков - сохраняется у Л.Н. Толстого от самых первых вариантов повести до последнего. Неслучайно «Казаки» восходят к поэтическому истоку. Кроме того, Л.Н. Толстой обращается в повести к тематике и жанровым традициям героических казачьих песен, прибегает к прямой цитации фольклорных произведений о мудрости, храбрости, героизме казака. Все это дает возможность читателю буквально увидеть и ощутить все то, что чувствовал Л.Н. Толстой, пропуская это через призму своего писательского таланта.

Можно утверждать, что Л.Н. Толстой не просто наблюдал жизнь кавказских народов, он изучал ее, следствием чего и явилось, реалистическое воспроизведение этой жизни в художественных текстах писателя. Психологизм в описании внутренней жизни кавказского аула, портреты горцев, величественные пейзажные картины, на фоне которых разворачиваются не идиллические, а драматические события, - все это свидетельствует о том, что Л.Н. Толстой максимально приблизился к пониманию правды о чужом народе [7, с. 99].

Впоследствии писатель вспоминал об этой поре своего творчества: «... редко я встречал в людях такую страсть к истине, какая была в то время во мне». Истина с этих пор станет основой эстетической и нравственной позиции писателя: «... Всякий вопрос для меня принимает громадные размеры... Теперь при каждом новом предмете и обстоятельстве я, кроме условий самого предмета и обстоятельства, невольно ищу его место в вечном и бесконечном, в истории» [1, с. 220]. На этом принципе и основана поэтика написанных и начатых на Кавказе произведений, система психологизма и художественная философия истории Л.Н. Толстого.

Результаты

В контексте всего творчества Л.Н. Толстого кавказский период сыграл важную основополагающую роль в становлении творческого метода мыслителя, как школы

писательского мастерства, и как источника глубоких размышлений о ключевых проблемах человеческого бытия.

В произведениях писателя «кавказского» периода отразились закономерности смещения авторского внимания со среды на характеры, с описаний событий на внутренний мир человека и процессы нравственного самосовершенствования, самовоспитания личности. В них совершенствовались формы психологического анализа. Именно этим и обусловлены особенности идиостиля Л.Н. Толстого.

Отражение кавказских впечатлений в дневнике, записных книжках Л.Н. Толстого - это своеобразное зеркало, которое отображает процесс формирования нравственно-этической системы, сыгравшей определяющую роль в становлении будущего писателя.

Длившаяся десять лет история текста повести «Казачья жизнь» обусловлена общим движением замысла и художественных исканий Л.Н. Толстого. Сопоставление дневника с первыми рукописными набросками «кавказской повести» раскрывает их несомненную генетическую связь. Эпическая стихотворная поэма в народном духе, нравоописательные этнографические «Очерки Кавказа», повесть «Беглец», роман из кавказской жизни в трёх частях и, наконец, повесть «Казачья жизнь», свидетельствует о развитии творческой лаборатории писателя, о более сложной, многоэтапной и вдумчивой работе с источниками, которые сформировали общую нравственно-эстетическую концепцию собственного творчества мыслителя. Идея «Казачья жизнь» - поэтизация трудовой жизни и порожденного ею мироотношения и миропонимания - складывалась в процессе многолетней работы над ней.

Синтез собственных духовных исканий и наблюдений над жизнью казаков стал важнейшей художественной задачей писателя. Кавказский контекст идейно-творческих исканий Л.Н. Толстого активизировал процессы формирования его воззренческой системы, способствовал актуализации социально-нравственных проблем творчества.

В «Казачья жизнь» воплотилось «внутреннее столкновение двух линий повествования - история душевной жизни Оленина, как героя повести, и независимо от него развернувшийся бытовой материал. Л.Н. Толстому удалось впервые в произведении соединить эпическое повествование о жизни народа с рассказом о судьбе ищущего толстовского героя.

Произведения Л.Н. Толстого о Кавказе оставляют после себя неизгладимое впечатление о богатстве этого края и одухотворенности, будучи мастерски отображенными словами великого писателя. Легкие, ясные, но в то же время, несущие в себе столько почвы для размышлений, произведения Л.Н. Толстого задевают сердца читателей и остаются в памяти на очень долгое время.

Заключение

По итогам работы следует отметить, что в работе последовательно решены поставленные задачи.

Выявлено, что кавказский контекст, в котором осуществлялась деятельность Л.Н. Толстого - это эффективный метод идентификации его мировоззренческих и эстетических установок.

Дневник как путь к познанию душевной жизни выявил склонность начинающего писателя к аналитическому мышлению. Философские обобщения и анализ сложных душевных переживаний, исповедальность и покаянность в своей совокупности создают яркий психологический портрет писателя.

Сопоставительный анализ философских набросков дневника и первых художественных замыслов Л.Н. Толстого выявил важнейшие закономерности мастерства писателя-реалиста и те идейные, жизненные и литературные влияния, которые способствовали становлению его художественного метода. Возникая преимущественно на почве дневниковых, записей, художественные замыслы сразу же и очень далеко отклонялись от них в процессе интенсивной творческой переработки материала.

Раскрыть глубинные связи человека с природой, обозначить особую позицию человека в природе, в мире для Л.Н. Толстого стало важной творческой задачей, направленной к познанию внутренней нравственно-этической основы человеческой личности и к самопознанию.

В кавказский период жизни Л.Н. Толстой выработал свой творчески метод, которому в значительной мере он следовал в последующем творчестве. В этот же период начали складываться и общие эстетические взгляды, и его взгляды на многие факты общественной жизни. Есть все основания утверждать, что именно на Кавказе Л.Н. Толстым был приобретен мощный творческий импульс.

Список литературы

1. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1984 Избранные дневники 1847-1894. Т. 21 [Электронный ресурс] URL:[http:// fanread.ru](http://fanread.ru)
2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — М.: Наука, 2000—Т. 4: Художественные произведения, 1853—1863 / Подгот. текста и коммент.: И. П. Видуэцкая, Л. Д. Громова-Опульская, Т. Ю. Пластова, М. А. Соколова; Ред. тома Г. А. Галаган. — 2001. —

376 с. [Электронный ресурс]

URL:<http://febweb.ru/feb/tolstoy/default.asp?/feb/tolstoy/texts/pss100/t04/t04.html>

3. Арденс Н.Н. Творческий путь Л.Н. Толстого. - М., 1962. - 680 с.
4. Бурнашева Н.И. Раннее творчество Л. Н. Толстого: текст и время. – М.: МИК, 1999. – 336 с.
5. Бурсов Б. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод 1847- 1862. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960-408 с.
6. Головки В.М. Кавказский контекст как фактор формирования системы художественно-информационных кодов раннего творчества Л.Н. Толстого // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2003. - №35. – С. 8-15.
7. Джаубаева Ф.И. Кавказский текст: язык и культура горцев в произведениях Л.Н. Толстого // Культурная жизнь Юга России. - 2009. - №3 (32). – С. 98-101.
8. Куприянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. - М.-Л., 1966. - 324 с.
9. Огородова В.В. «Диалектика души» как психологический инвариант мифологемы пути в повести Л.Н. Толстого «Казачья».Сборник: Филологические открытия. Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции. Ответственный редактор Н.В. Беляева. 2019. С. 96-98.
10. Опульская Л.Д. Творческая история «Казачья» // Толстой Л.Н. Казачья. М., 1963. С. 350–392.
11. Павлюк М.О. О соотношении художественного вымысла и автобиографического материала в произведениях Л.Н. Толстого о Кавказе. // Л.Н. Толстой: жизнь, судьба, творчество. Кавказский контекст. Вторые Толстовские чтения на Кавминводах.; Тезисы докладов и сообщений Северо-Кавказской научно-практической конференции*23-24 ноября 2001 года. Пятигорск, 2001. С. 10-18.
12. Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник // Храпченко М. Б. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1980 Т. 2 - 598 с.